

МОСКОВСКИЙ БУНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕРГЕЙ ЕРМОЛОВ

Сергей Ермолов
Московский бунт

«Автор»

2019

Ермолов С.

Московский бунт / С. Ермолов — «Автор», 2019

Герой романа – молодой человек 26 лет. Провокации на митинге оппозиции приводят к вооруженному конфликту. Герой оказывается вовлечен в вооруженное противостояние на улицах Москвы. Содержит нецензурную брань.

© Ермолов С., 2019

© Автор, 2019

1

Выхожу на улицу в скверном настроении. Я угнетен, разбит, все тело болит. Яркий солнечный свет раздражает, в глазах саднит, как если б их запорошило мелким песком.

Прохожу супермаркет, сияющий неоновым светом и набитый угрюмыми азиатами. Впереди тянется широкий проспект. Иду вдоль стен, залепленных политическими плакатами и размалеванных аэрозольными надписями.

Небо висит совсем низко.

Люди раздраженно проталкиваются вперед, толкая друг друга плечами и локтями, чтобы расчистить себе путь на тротуаре. Стараюсь не смотреть на окружающие лица. Что этот город сделал с ними?

Трудно сосредоточиться на каком-то одном здании, на чьем-нибудь лице или витрине, потому что Москва находится в непрерывном движении. Тысячи людей вышагивают по улице или пересекали ее, стоит автобусам, грузовикам и легковушкам на секунду остановиться.

Я углубляюсь в боковую улочку, прохожу вдоль ограды и выхожу на открытую площадку. Стою около магазина; выпрямившись, я замечаю свое отражение в окне. Я похож на мальчишку, который пытается выглядеть мужчиной.

Прохожу маленьким сквером с заброшенным, высохшим фонтаном в центре. Вокруг пустеет, будто люди стараются обходить это место стороной.

Хорошо идти никуда не торопясь и ни о чем не думая. Просто переставлять ноги, дав отдых голове. Улицы совершенно пусты. Странное место, странная погода без теней.

Город выглядит не лучшим образом. Он совершенно серый, словно вытершийся от долгого употребления. Лето всегда кончается быстрее, чем хотелось бы.

На улицах собираются люди. Кто-то идет по своим делам, однако многие целенаправленно двигаются куда-то в сторону площади Революции. Я присоединяюсь к людскому потоку.

Мы двигаемся очень медленно. Машины впереди ползут медленно, бампер к бамперу. Водители гудят клаксонами, высовываются из окон, ругаются, кричат. Хорошо еще, что не начинают стрелять друг в друга. Но такое тоже вероятно.

Намеренно не смешиваюсь с толпой, предпочитая наблюдать шум и движение со стороны.

Сначала люди в самой голове шествия развлекаются скандированием лозунга «Россия без президента», но, устав, начинают кричать: «До-ро-гу!»

Полиция расступается перед митингующими.

Колонны идут невыносимо медленно.

Главная растяжка "За вашу и нашу свободу". Колонна преимущественно белая: белые флаги, белые ленты, белые детали одежды, белые шарики. Лояльные режиму усердно распространяли информацию, что белую ленточку носят те, кто хотят устроить революцию.

Значит ли это, что надо одевать белую ленточку? Не знаю мне все равно.

Много родителей с детьми. Дети радуются шарикам, сами фотографируют, сами придумывают свои кричалки и все время задают вопросы. Одна маленькая девочка, на вид не больше пяти лет, громко спрашивает:

– А где живет президент?

– Ох-хо-хо, – шумно вздыхает предполагаемый папа. – Он живет в черном замке за высоким забором. Его охраняют рыцари тьмы.

Особенно задорно кричат лозунги бежавшие впереди меня дети лет семи-десяти.

Для шествия представители различных оппозиционных политических течений разбиваются на колонны. Идут коммунисты – там советские флаги, а впереди огромный транспарант «Долой президентское самодержавие!»

Я иду в колонне которая выглядит внушительно, молодо и весело. Кричат. «Забастовки там и тут – олигархии капут!» «Вы еще в Кремле? Тогда мы идем к вам?» Хватает в колоннах и странных персонажей вроде фаната ЦСКА, который в руках держит плакат с изображением Барака Обамы.

Очень приятно видеть приветствующих нас людей. Молодежь с жуткими масками с прорезями зигавала. Но не думаю, что это какие-то страшные провокаторы, просто им так весело.

Когда проходим мимо остановок метро громко кричат «Москва – не Кавказ!» Никто не возражает.

Два первокурсника иду с бутылкой воды. Вода им нужна на случай, если будут пускать угарный газ.

Всем раздают листочки А4 с надписью: "Мы не немцы".

Едут полицейские автозаки, рядом идут люди и кричат: «Долой полицейское государство!».

Прямо над нами гудит вертолет. Романтично.

Садовое кольцо перекрывают солдаты внутренних войск. В оцеплении я вижу красивую девушку, почти модель. В числе аксессуаров черная каска с забралом, жилет и дубинка.

Солдатам срочной службы в оцеплении то хлопают и кричат «Полиция с народом!», то освистывают: «Вы не спасете президента!». Огромное количество людей их снимает. Ребята молчат и смотрят в землю. Лица смущенные.

На вопрос: «Вам не стыдно?» Полицейские отвечают, потупив глаза: «Так мы на службе».

Одна из колонн несет икону с Богородицей в балаклаве. Говорят, что икона чудотворная: все кто прикладывается к ней либо уже арестованы, либо будут арестованы. Люди подходят и прикладываются.

Националисты скандируют «Москва без чурок»

В толпе появляется провокатор с американским флагом. Флаг вырывают, а сам человек заявляет что будет разговаривать только с журналистами.

Улицы были огорожены со всех сторон. В каждом переулке дежурят автозаки. Проходя мимо каждого оцепления, люди скандируют: «Полиция с народом!»

Женщина с белой лентой спрашивает:

– Куда бы ленточку привязать?

Ей отвечают: – К автозаку привяжешь

«Слава предкам, слава роду, слава русскому народу!» – скандирует колонна под имперскими флагами. В первом ряду идет трогательная сухошавая старушка – ее голова едва возвышается над растяжкой-транспарантом, а за спиной у нее – плотные парни: некоторые в медицинских масках, пара – в черных шлемах с прорезями для глаз, полностью закрывающих лицо.

Стоит цепь солдат в полевой форме в стиле «НАТО» – парни с армейскими рациями за спиной, огромные ящики с антенной метра два. Через каждые двадцать человек. В кевларовых касках и бронежилетах.

Люди идут с транспарантами, некоторые держат в руках белые цветы. Они идут, взявшись за руки. Внезапно возникает драка, мужчина пытается сорвать транспарант. Его быстро схватывают. И почему-то толпа начинает плавное движение вправо.

Я вижу, как пара военных вертолетов очень низко, плавно, медленно и бесшумно перемещается наискосок в сторону центра города. Мне кажется, что эти подробности очень важны.

– Молодой человек, вы у здания Следственного Комитета не были? – внезапно, за рукав меня ловит женщина в сером платье. – Там, говорят, бомба взорвалась.

Я инстинктивно вырываю руку, недоуменно смотря на женщину. Та отшатнулась, затравлено оглядывается, и начинает пробираться в обратном направлении, против «течения» толпы. Большинство молодежи, среди них попадались взрослые, целенаправленно выходят на проезжую часть. Автомобилисты, запертые в своих машинах, истерично сигнализируют. Толпа на дороге воспринимает сигналы, как команду к действию.

– Москва для москвичей! – кричит кто-то, и слова эти, едва различимые, теряются в уличном шуме. Уже через секунду их подхватили сотни глоток. – Москва для москвичей!

Я смотрю и ничего не понимаю.

Меня толкают. Я краем глаза замечаю, как движутся по улице люди в серой форме. Полицейских в какой-то момент вокруг их становится раза в три больше.

Колонна анархистов с трех сторон увешана баннерами с изображениями Нестора Махно и сидящих в тюрьме активистов движения. Несколько участников шествия закрывают лица платками.

– Алексей, давай заряжай уже! – кричит кто-то человеку в шортах и с мегафоном.

– Absolution! – кричит он, и колонна подхватывает: "Revolution!".

Вместе с лозунгами "Капитализм – дерьмо!" и "Революция!" в тройке самых популярных призыв освободить политзаключенных.

Большая часть маршрута шествия оцеплена полицией и огорожена металлическим забором. Полицейские безучастно смотрят на демонстрантов. Многие поворачиваются к акции спиной.

– Друг, есть сигарета?" – спрашивает рядовой из оцепления одного из демонстрантов. Тот достает сигарету и пытается отдать ее полицейскому.

– А можешь две? Только осторожно, чтобы никто не видел.

Пока участник шествия сообщает, что ему нужно делать, рядовой замечает начальника.

– Стой, взводный идет. Ладно, друг, не надо, давай потом.

– Как в тюрьме прямо, – восхищается его сосед-полицейский.

Весь проспект забит людьми, держащими транспаранты и плакаты: «Мы против коррупции», «Будущее за молодыми», «Честная молодежь взяток не дает».

– Скажем дружно, всей страной – иммигрант, пора домой! – выходя на площадь, националисты подхватывают новую кричалку.

«Родись на Руси, живи на Руси, умри за Русь» – так написано на бело-черно-желтом флаге, который держит брюнетка с длинными распущенными волосами в джинсах и серой ветровке.

Чем ближе к месту митинга, тем мощнее полицейские.

Замечаю один водомет. Из "Макдоналдса" выходят многочисленные полицейские с пакетами еды.

На площади Революции раздают белые ленточки, все кто без, говорят организаторы, провокатор и враг. В небе очень низко летает вертолет, легко можно рассмотреть надпись: «Полиция».

Я не могу дозвониться до Ани. Очень плохая связь.

Полиция доброжелательна. Окна автозакów завешены и закрашены, но ощущение, что количество задержанных минимально, поскольку все сиденья, которые я вижу за занавесками, пусты.

Меня с потоком людей снесло на площадь Революции к памятнику Карлу Марксу, оцепление полиции замкнулось практически за спиной. Тех, кто напирал сзади, резко отсекали от основной толпы, направив ее в сторону метро. Некоторые из опоздавших людей сразу разворачивались и уходили, повинаясь приказу, однако большинство осталось на месте, пытаясь пробраться за ограждения.

Вроде и не всех пропускают на площадь, но народ просачивается вдоль стены жилого дома. Оказывается все просто. Майор в полицейской форме ходит вдоль барьеров и громко объявляет, что проход закрыт, а подчиненный ему сержант пропускает практически всех, кто подходит к углу около дома и при этом заговорщически предупреждает:

– Не все сразу. Проходит один человек с интервалом в одну минуту.

Но интервал этот, естественно, не соблюдается – проходят чаще. Майор же и другие полицейские, стоящие у барьеров, делают вид, что не видят всего происходящего.

2

Люди за ограждением могут участвовать в митинге: кричать им никто не запрещает. А кричит толпа неслаженно. Я не понимаю, кто начинает скандировать тот или иной лозунг, есть ли на митинге заводилы.

Митинг собирали в центре города и в час пик. Полицейские не в состоянии точно отличить, кто участвует в акции, а кто проходит мимо.

Проходивший мимо мужчина средних лет со стрижкой «ежик» приостанавливается ровно настолько, чтобы успеть пробормотать мне:

– Вот ведь ненормальные! И вы тоже, раз стоите здесь и смотрите!

В наши дни все критикуют.

– Это наш город! Это наш город! – нестройно и разрозненно разносится над головами людей.

Если разобраться, какой в этом смысл? Как они могут победить?

С самого начала в этом нет никакого смысла. Поэтому мне становится смешно. Я даже чувствую облегчение.

Чуть поодаль от собравшихся ходит молодой человек. Я его спрашиваю, почему он не присоединяется к собравшимся, он отвечает, что у него немного другие взгляды. Какие именно, не объясняет.

Полицейские обыскивают людей около металлоискателей. За проверкой наблюдает ротвейлер в наморднике. Его хозяин, рядовой-кинолог, тоскливо смотрит в сторону. Граждане объясняют полицейским, как они не правы. Полицейские молчат. Обычная история.

Много белых шаров, белых флагов.

Я рассматриваю собравшихся. Выступавший на сцене чего-то мямлит – видимо не выучил текст. Но люди орут и поддерживают. Наконец он осмелевает, страх аудитории проходит и он говорит бодрее. Народ кричит не по режиссёрской указке, а сам добровольно. Иду посмотреть вперед, но там не протиснуться.

Я выбираю место наблюдения рядом с трибуной недалеко от прессы – между группой руководителей оппозиции и митингующими, разделенными двумя рядами железных ограждений. Полиции много, но никто не вмешивается в происходящее. Порядок поддерживают люди с бейджиками от организаторов митинга. Я думал, что отсутствие на моей одежде белой ленточки будет воспринято если не агрессивно, то с некоторым неудовольствием, но недоброжелательства я не замечаю.

Агрессии в толпе нет. Полицейские – тоже расслабленные. В оцеплении – сначала тощие и очень мелкие срочники, а во втором ряду – здоровенные ОМОНовцы.

Человек на трибуне говорит в микрофон:

– Меня беспокоит больше всего наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека. Поэтому я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, произ-

волу, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей. Пора сбросить оцепенение. У нас есть голос и силы. Люди с чувством собственного достоинства должны чувствовать свою солидарность. Самое мощное оружие, которое есть у нас – чувство собственного достоинства. Его нельзя снимать и надевать как бархатный пиджачок.

Толпа нестройно скандирует:

– Один за всех и все за одного.

Сам политик не обращает внимания на людей, кричит:

– Мы здесь народ! Не вы наша власть, а мы ваша! Хватит воровать голоса на выборах!

Нельзя игнорировать нечто другое, трудно поддающееся описанию. Выражение лица. Этот человек кажется непробиваемым. Как стена.

Возможно, в этом он прав. Он сам сознательно загнал себя в такую ситуацию, выбраться из которой можно только убивая.

Рядом со мной двое молодых людей с белыми повязками начинают кричать:

– Ваши выборы – фарс!

Толпа с готовностью их поддерживает. За кем молодежь, за тем и будущее.

– У нас украли миллионы голосов! – надрывается толпа, размахивая самодельными плакатами. Кто-то потратил на создание транспарантов свое время. Как давно согласовали этот митинг? Неужели никто изначально не верил в честность прошедших выборов?

– Воры должны сидеть в тюрьме!

Лозунги, слишком длинные и неуклюжие, но в толпе люди кричат, пытаются докричаться до невидимых слушателей. Кто должен засвидетельствовать гнев нескольких человек?

Я смотрю вперед, где толпятся первые ряды, занявшие лучшие места у небольшой сцены с белым плакатом, на котором алыми буквами написано «Выборы». Что там такое с выборами я прочитать не могу, флаги и плакаты загораживают обзор.

Я иду к сцене. На пути оказывается оппозиция с красным транспарантом "Власть нас не слышит!". Транспарант с одной стороны держит парень с тоской на лице, с другой девушка. Лицо её ожесточенно и злобно, как у собаки, защищающей свою кость. Мне становится интересно и я становлюсь напротив неё. Мимики на лице у девушки нет. Вокруг неё много людей с фотоаппаратами.

Большинство лиц мелькавших на трибуне были теми персонажами, которым судьба большинства россиян, таких как я, совершенна безразлична. Отставленные от власти политики, представители гламурной интеллигенции и революционеры.

У меня возникает странное ощущение тревоги. Но я прихожу к выводу, что волноваться не из-за чего.

Выступает какой то здоровенный мужик, не умеющий говорить. Но толпа ему аплодирует, и опять ненавидит власть.

Особенно мне антипатичны призывы к скандированию глупых слоганов, вроде «Пока мы едины, мы непобедимы» и «Рабы не мы, мы не рабы». Скандирование лозунгов – это типичное манипулирование толпой: способ «разогрева», отключения сознания, притупления ответственности, легкий способ создания «пятиминутки ненависти». Люди, кстати, это понимают, и волны выкрикиваемых лозунгов очень быстро затихают. Доказательства никому не нужны. Я в этом убедился, видя, как у нас действует закон. Нужно только намекнуть на то, что кто-то виновен.

В какой-то момент выступающие на митинге стали повторять друг друга, обвинения властей носят всё больше и больше абстрактный характер. Основной пар уже выпущен в атмосферу, накал этого пара заметно ослабевает. Пора уходить.

Когда российское СМИ вообще не врет, не извращает, не искажает? Бывают ли такие светлые лучики в темном царстве? Многие считают что стоит им посмотреть новости и они все обо всем знают. Это не так. Знают они ровно то, что им говорят по экрану. Везет тем, кто хотя бы купил лотерейный билет. Организаторы митинга сделали больше. Они подготовили мероприятие.

Поддерживается особая атмосфера приподнятости, сдобренной страхом. Лидерам оппозиции нужно удерживать актив в напряжении известиями о промежуточных победах и всё новых угрозах. И они делают это очень искусно. Ноль мыслей. Одни ощущения.

Главной задачей постановщиков спектакля являлось создание соответствующей их задачам толпы. Это означает, привлечение к действию достаточной массы людей, их концентрация в нужных точках пространства, удержание их в нужных местах в течение необходимого времени и такая обработка их сознания, чтобы толпа по сигналам режиссеров точно выполняла именно те действия, которые требуются по сценарию. Больше всего меня злит то, что это правда.

Участники митинга, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. Невидимый режиссер втягивал людей в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. Вокруг меня уже теряют ощущение реальности, перестают понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Нереальное действует на толпу почти так же, как и реальное.

Я думаю обо всех этих людях – их так много – и спрашиваю себя: почему?

Думаю, я злюсь на себя. И на них. На всех этих людей. Я думаю: почему, они должны это делать?

Рядом со мной человек с российским флагом рассказывает, что по городу стоят несколько автобусов с провокаторами и камнями, которые власти намерены использовать для подавления митинга. Он убеждает, что большинство автобусов перехвачено, а шоферы перешли на сторону народа.

– Что ты собираешься делать? – спрашиваю я его.

– А? – он поворачивает голову, думая о своем.

– Ты же собираешься что-то делать.

– А что?

– Что-то в этом, по-моему, не то, – говорю. – Как-то оно... – я не могу оформить словесно отчетливое ощущение неуместности. Не знаю, почему это вдруг меня цепляют даже не размышления – так, нервная суета мысли.

– Откуда такая ненависть? – Я сам удивляюсь, что все же решаюсь спросить.

Он молчит.

– Что ты думаешь обо всем этом?

– Все это дурно пахнет.

– Им нужно больше крови.

– Идиоты.

Его сосед человек, прикрывающий лицо от солнца вздыхает.

– Ничего мы тут поделать не можем, пошли, – говорит он.

– По-моему, бесполезно этим заниматься, – отвечает другой.

– Почему? – интересуюсь я.

– Я не жалуясь, но всё это как-то не так должно быть.

– Именно так, только так и никак иначе.

– Это ничего не изменит.

– Что ж, может, ты и прав. Впрочем, ведь это лишь первое впечатление. Подождем, пока оно отстоится.

– Забавно, – заявляю я, – вот так иногда не знаешь, что творится у тебя под носом.

– Россия рушится.

– Я думаю, уж где-нибудь найду местечко.

– Вы не понимаете всей серьёзности положения. Наверняка это только начало. Могут быть места, где пока что всё выглядит безобидно и не так страшно. Но чему быть, того не миновать. Это неотвратимо.

Цветная революция – это бунт уставших от серого цвета. Существует только то, что существует в телевизоре.

«Не дай им обмануть тебя». Я повторяю и повторяю эти слова до тех пор, пока сам в них не поверил. Учимся ли мы на своих ошибках?

Когда все кругом плохо, может стать еще хуже.

«Ты являешься частью их плана», думаю я. «Будь предельно осторожен. Ты более уязвим, чем полагаешь. Ты даже не задумываешься над этим».

Что побуждает нас к действию?

Голос следующего оратора я слышу прекрасно: никогда не забуду этот гнусавый выговор; таким голосом не говорят, а приказывают:

– Ждать от власти нечего, надеяться на ее приверженность национальным интересам – наивно. Верить, что со временем нынешние правители научатся управлять, – глупо. Не тот кадровый состав. Значит, состояние российской экономики будет и впредь определяться ценами на нефть и газ. Высокотехнологичные отрасли, требующие крупных долгосрочных капиталовложений, развиваться не будут. Изношенная инфраструктура без амортизационных отчислений начнет рассыпаться. Будут взрываться электростанции, сходить с рельсов поезда, падать самолеты. Наука и культура начнут все больше прозябать. Армия, лишённая боевой техники и вооружения, станет деградировать на глазах. Можно понять родителей, предпринимающих все возможное, чтобы уберечь детей от службы в такой среде. МВД и другие силовые структуры постепенно превратятся из общегосударственных в частные охранные предприятия, обслуживающие незначительную часть населения.

То, что он говорит и как говорит, звучит впечатляюще. Пугающе. Почти убедительно. Я не понимаю ничего. Я ненавижу этот типаж. Они маршируют по городу и вещают о зле глобализации и эксплуатации. Это чистого вида позерство.

Парень рядом со мной вздрагивает, потом жмурится. На голове его кепка белого цвета, надетая козырьком назад. Тёмно-зелёная кофта, на спине чёрный рюкзак. Секунду спустя он открывает глаза и смотрит на меня.

– Ты как, ничего? – спрашиваю я.

– Да, – он неуютно передергивает плечами. – Очень сильные эмоции. Они застали меня врасплох.

– Меня тоже.

– Это только слова. Вы можете их повторить.

И он говорит:

– Они зловещие. Они бессмысленны.

– Здесь каждый думает только о себе, – успокаиваю я его.

Эти слова вырываются у меня нечаянно, но я тут же понимаю, что их невозможно взять назад.

– Вы, по-моему, ненавидите президента, – продолжаю я. – Вот в чем дело.

Он обдумывает мои слова и медленно произносит:

– Нет, это сложнее, чем ненависть, гораздо сложнее. Он погружает меня в свой черный мир, сделал из меня то, чем я не был, использует меня, как вещь.

В глазах этого человека решимость.

Мое сложное положение подсказывает мне, что не стоит препираться с этим ненормальным – который неожиданно перестает казаться ненормальным, как будто он себе на уме.

В его словах звучит непоколебимая уверенность человека, не сомневающегося в своей правоте.

Этой уверенности я завидую. Я уже много месяцев не чувствую ничего похожего.

Вещи далеко не всегда являются такими, какими кажутся на первый взгляд.

Несколько минут следующий оратор стоит неподвижно. По его позе можно заключить, что он чем-то озабочен. Он смотрит куда-то вниз, погружившись в раздумье.

– Молчаливая оппозиция к режиму вседозволенности – путь к гибели, – кричит он. – Кирпичики в стены нашей тюрьмы. Есть только деньги, коррупция и власть. Мирный путь не для нас. Мы должны оказывать давление на власть. Каждый день, каждый час. Парализовать власть, вызвать хаос. Хаос породит пробуждение самосознания. Люди, освобожденные от тотального контроля, выберут своих лидеров. Россия у каждого своя.

Кажется, он говорит серьезно. Он похож на меня. Ничем не выдающийся человек, который из кожи вон лез, чтобы кем-то стать.

Это началось не вчера. Пора себе в этом признаться. Оно наступало. Будущее. Оно уже пришло. Признаюсь, я был заинтригован. Удовольствие быть удивленным. Как все вокруг могло до такой степени измениться. Или я изменился?

– Это ваша возможность, шанс для каждого публично заявить, что он когда-нибудь брал или давал взятку! – разносится со сцены.

Упоминание о даче взяток вызывает негодование среди участников. Толпа колышется.

– Коррупция тянет Россию вниз! Но мы можем изменить ситуацию, более того, только мы одни можем это сделать, начав с себя! – разносится из динамиков. – Все собравшиеся здесь заявят, что не только не будут брать взятки, но и давать их! Мы сами плодим коррупцию, подкармливая продажных чиновников! Пора это прекратить!

От криков людей закладывает уши. Каждый из присутствующих на митинге знает, зачем он сюда пришел, так какая разница, что говорить?

– Он гениален! – пищит какая-то женщина справа, когда со сцены начинает выступать следующий оратор. – Каждое его слово сейчас важно, каждая фраза определяет будущее.

– В душе каждого человека сейчас идет война. Прежде всего, нужно убить Президента в себе. Президент – это страх. Прекратите бояться. Пользуясь, случаем хочу обратиться к бизнесменам – хватит бояться, вы должны давать деньги оппозиции, финансировать мероприятия оппозиции. Каждый митинг похож на военную операцию, власть, эта гадкая жаба, боится и трясется. Но десятки людей бросаются в тюрьмы. Мы ходим на митинги, чтобы обеспечить свободу нашим семьям. Да, будем ходить как на работу! Каждый из нас может что-то делать каждый день. Других людей, кроме нас, нет. Только мы! Больше никто! Надежда, упорство принесут нам победу!

Какой-то ненастоящий, словно игрушечный. Я так и не понял, издевается он или хочет быть любезным, может, и то и другое.

Я могу его понять. Времена изменились. Они все искренние, непреклонные. Ненавижу признавать это, но я могу его понять. Надо разрушить систему изнутри.

Самое длинное выступление на митинге завершается скандированием "Один за всех – все за одного!"

Если хочешь, чтобы люди следовали за тобой, сначала сбей их с толку, а затем убеди, что знаешь способ, как выйти из такого состояния. Все просто.

Правда не делает меня свободным. Во всяком случае, не та правда, какую мне приходится выслушивать.

Кто-то из выступающих предлагает "сбить вертолет летающий над площадью".

Ведущие вспоминают самый популярный лозунг: толпа скандирует "Россия без Президента!"

Даже полицейский вертолет, постоянно барражировавший над демонстрантами и во время марша, и во время митинга, освистывают с криками: «Президент, улетай!»

– Президент! Если ты мужчина, выходи к нам, обратись к народу, – объявляют с трибуны. Народ криками одобряет лозунги выступавших.

– Против нас полиция со всем оснащением, – говорит следующий оратор. – Против нас прикормленные жидами и откровенно жидовские СМИ. Против нас психология обывателя, которому на все наплевать. Даже если обыватель и хочет что-то изменить, то сам участвовать не согласен. Собрать всех патриотов в единый кулак – вот наша цель. Пусть даже нас не будет большинство. Агрессивное и сплоченное меньшинство всегда победит аморфное обывательское болото.

Он назначает себя вождем. Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Он тоже ненавидит тех, ради кого старается.

Какая удача для власти, что люди не привыкли думать.

Кричат: «Долой власть чекистов!».

– Если митинг будет исключительно мирным, то мы никого и пальцем не тронем. Полиция с народом! – объявляет полковник журналистам в толпе. Люди вокруг переключают свое внимание с выступавших на трибуне на полковника и, довольные услышанным, кричат ему «Молодец!»

Полиция действительно беспомощней толпы?

Ко мне подходит женщина с бейджиком «Пресса» и спрашивает:

– Зачем вы это делаете?

Я не понимаю, почему спрашивают меня и отвечаю:

– Ради свободы.

А она продолжает интервьюировать меня:

– Чем же сидящие в автозаке стали свободнее?

Я смущаюсь из-за того, что выгляжу таким дураком, причем в ситуации, в которой не должен был оказаться. Злая ирония. Свобода есть возможность выбора, и отказ от участия в конфликте есть часть свободы.

– Режиму мы говорим решительное «нет!» – стоящий недалеко узкоплечий юноша с длинными сальными волосами взмахивает костлявой рукой. – Диктатура не пройдет! Молодежь России не будет жить под властью красно-коричневых тиранов!

Слушатели аплодируют.

– Зря потеряли день, – говорит один из митингующих рядом со мной.

– Зря? Я так не считаю, – отвечает другой.

Я могу стать совершенно другим человеком, пусть всего на один день. Но судьбу лучше не испытывать, такой риск мне не нужен.

– Не могу, – говорю, – не могу держаться. Видимо, что-то в воздухе носится. Тяжело оставаться безучастным.

На мое плечо ложится тяжелая рука. Взрослый мужчина, сняв с головы кепку и обнажив лысый череп, серьезно смотрит мне в глаза на несколько секунд.

–Замолчите, – наконец, произносит он. – Не надо вот этого вот. Идите лучше домой.

– Все стало намного лучше, намного, намного лучше. Как вы можете этого не замечать? – спрашиваю я.

– Не понимаю, как можно видеть, что происходит с этой страной, и не испытывать ко всему этому ненависти, – отвечает он. – На поверхности все выглядит прекрасно – тишь да гладь. Но в глубине все пропитано ядом. Кругом одна ненависть, зависть и страдания людей.

– То же самое можно сказать о чем угодно и о любом месте. О любом месте, где существует определенный уровень жизни.

– Легче от этого не становится.

Со сцены продолжают звучать речи. Я предпочитаю сосредоточиться на наблюдении за людьми.

Несколько человек садятся на асфальт и начинают дискуссию:

– Главное – добиться результатов.

– Мы должны всегда вести себя честно, потому что иначе люди не будут нам доверять.

– Наш политический курс находит здесь реальную поддержку, мы еще добьемся того, что наш кандидат пройдет.

– Я правильно понимаю, что вы еще не решили, будете ли вы за нас голосовать?

– Я против вас ничего не имею.

– По всей стране живут сотни и тысячи людей, которые варятся на медленном огне своих проблем, и никому до этого нет дела.

– Никому нет никакого дела.

– Я думаю, что мы все хотим, чтобы система изменилась.

– Конечно же хотим, – ответили ему. – И чем скорее, тем лучше.

Я узнаю их выражения лиц. С такими лицами идут сдаваться.

Одноразовые исполнители, они пришли лишь затем, чтобы потом говорить, что они тоже здесь были.

Я чувствую раздражение и подавленность. Не надо было мне сюда приходить. Эти люди терпят только подобных себе.

– Вы и их тоже ненавидите?

– В некотором смысле – да. Я ненавижу то, с чем они смиряются. Это должно быть смелее – все это.

– Ты ведь знаешь, люди всегда говорят: «Все будет хорошо. Все обойдется». Они говорят так, потому что больше ничего не могут придумать.

– Не ищи оправданий.

– А ты даже не пытался.

Парень смотрит вниз, обдумывая положение. Через секунду плевков вылетает из его рта и падает вниз. Молодой человек одет в чёрную кофту с длинными рукавами и капюшоном, надетым на голову. На голове надета бейсболка, из-под капюшона виден только козырёк зелёного цвета.

– Вы оба сумасшедшие, вы это знаете? – говорю я.

– Возможно.

– Вас арестуют.

– И кому это решать?

Он смеется:

– Уж точно не таким, как ты.

А я говорю:

– Не заставляйте меня в этом участвовать.

– Вначале люди верят, но потом понимают правду.

– Не стоит недооценивать противника.

– Сомневаюсь, что здесь все так просто.

– А я иногда именно так и думаю. Долго это не продлится.

Этих людей я воспринимаю как иностранцев. Страна их кажется мне чужой и непонятной.

– Свобода – вот что нам грозит. Я вам советую: нечего ее и пробовать. Увидите, что она приходит, – бегите. А если она искушает вас бежать, оставайтесь на месте.

«Итак, реальность вот-вот навалится на меня» – думаю я. – «Неважно – готов я или нет». Я покладистый человек и допускаю любые убеждения и безумства, лишь бы мне не навязывали их силой.

– Не я сделал Россию такой, какая она есть, – говорю я.

– Возможно, но ты помог ей стать такой, – возражают мне.

Банальность происходящего кажется мне чуть ли не священной. Я вдруг понимаю, что у меня хорошее настроение. Это меня беспокоит.

– Похоже, ты разочарован.

– Конечно разочарован. А ты нет?

– Я особых надежд не питаю. И вам не советую.

– Теперь мы не можем повернуть назад. Особенно после того, что мы увидели.

– Я уже не уверен, что я что-то видел.

– Всё это мне вообще не нравится.

– Вы напрасно тревожитесь, поверьте, – уверяют его. – Я бы сразу дал вам знать, если бы ситуация как-то касалась вопроса безопасности, вы это знаете.

– Может, власть меняется? Пошли поближе.

– Иногда полицейские оставляют людей в покое с определенной целью.

– Я всегда плыл по течению, – рассуждает он, – но это было главное течение, основное.

Плыл, так сказать, с народом. А сейчас сижу на берегу. На обочине. Но, с другой стороны, на обочине тоже со всем народом сижу. При этом учти – я не жалуясь. Лично мне на обочине хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.